

ДЕРИВАЦИЯ РУССКИХ АГЕНТИВОВ ЖЕНСКОГО РОДА

В статье рассматриваются лексемы, обозначающие лиц женского пола, преимущественно неологизмы, способы их образования в свете спорных вопросов лингвистики.

Ключевые слова: способы деривации, агентив (*nomina agentis*), женский род, коррелятивная пара, Национальный корпус русского языка

Деривация русских агентивов женского рода, или феминутивов, исследована в гораздо меньшей степени, чем соответствующих единиц мужского рода, на которых концентрируется внимание ученых рубежа XX–XXI веков [1; 103], признающих несомненную активность словообразовательных процессов в расширении корпуса номинаций человека. Антропоцентризм, характеризующий парадигму современных научных исследований, каузирует дальнейшую разработку теории словообразования в связи с осмыслением специфики неоагентивов.

Анализ лексикографических источников: словарей «Новые слова и значения» (НСЗ) 1971, 1984, 1997, 2009 годов [9], [10], [11], [12], Толкового словаря языковых изменений конца XX столетия под ред. Г. Н. Скляревской 2001 года (ТСИ) [13], фиксирующих новообразования, обнаруживает отрицательную динамику количества новых феминутивов. Так, если в издании 1971 года [8] 68 единиц женского рода составляют 14,9 % от общего числа номинаций лиц (457), то в последующих выпусках словарей неологизмов доля феминутивов сокращается: в словаре 1984 года [9] – 84, 10,7 % (49 из 457), в 1997 года [9] – 7, 4 % (54 из 731), в 2009 года [11] – 11,6 % (73 из 629).

Новые агентивы женского рода разнообразны по семантике и входят в тематические группы номинаций лиц по профессии (кукурузоводка, доводчица; рыбообработчица; женищина-телохранитель), качествам, свойствам (слабачка; интеллектуалка; фанатка; вампириха), по роду деятельности (окопница; травница; женсоветовка; виртуалка), принадлежности к группе (одноклубница; ревсомолка; младшекурсница; демороска), видам спорта (бассистка; толкательница; дзюдоистка; гольфистка).

Обращает на себя внимание весьма незначительное количество коррелятивных пар, таких как *металлист* – *металлистка*, *деморосс* – *демороска* и *демороссовка*, *лоббист* – *лоббистка*, *пуштунец* – *пуштунка* и т. п. Нерегулярность появления единиц женского рода нередко объясняется стремлением к преодолению омонимии

(*пилот* – *пилотка*; *грибник* – *грибница* [4; 287]), однако омонимия и полисемия представляют собой явление универсальное, сопровождающее и образование лексем мужского рода: *детектив* – ‘книга’ и *детектив* – ‘сыщик’; *телятник* – ‘рабочий’ и *телятник* – ‘помещение для телят’; *курильщик* – ‘курящий человек’ и (проф.) ‘подводный термальный источник’, и даже омографов (с конечным ударением *нужник* – ‘влиятельный человек’, а с ударением на первом слоге – ‘туалет’). Существование омонимов не затрудняет понимание текста, что доказал в свое время А. А. Потебня.

Дериваты женского рода представляют собой активно пополняющуюся группу, что не всегда находит отражение в лингвистической литературе и лексикографии. Согласно верификации, проведенной с использованием Национального корпуса русского языка (НКРЯ) – общего и газетного, нами обнаружены корреляты женского рода для отмеченных в ТСИ [13] как актуализировавшихся на рубеже веков единиц мужского рода. Приведем примеры тех коррелятивных пар на «А» – «Г», которые не нашли отражения в наиболее полных толковых словарях последних лет, БАС-3 2004–2009 и БТС 2008¹: *авангардист* – *авангардистка*, *анпиловец* – *анпиловка*, *антикоммунист* – *антикоммунистка*, *арендатор* – *арендаторша*, *гангстер* – *гангстерша*, *героинщик* – *героинщица*, *гетеросексуал* – *гетеросексуалка*, *госслужащий* – *госслужащая*, *гуманист* – *гуманистка*.

Следует отметить семантическое и стилистическое разнообразие выявленных в НКРЯ единиц, а также неодинаковую длительность их существования.

Лексема *арендаторша* в основном корпусе представлена примерами конца XIX – начала XX века, в том числе извлеченными из произведений Г. П. Данилевского: *Наша барыня – арендаторша!*; *у покойного брата и у его арендаторши* ходили одни гурты скота; *Еще в качестве поверенного бывшего смиренного владельца Конского Сырта, он вежливо и степенно явился к арендаторше* этого имения, *Палагее Андреев-*

не Перебоченской, переговорить о ее видах на скорейшую разделку по арендной сумме и об очищении земли от ее присутствия, так как срок аренды давно кончился [Данилевский Г. П. Воля (1863)]. В газетном корпусе имеются примеры узуального современного употребления: *За 13 лет она прошла путь от рядовой «челночницы» до законной арендаторши двух рабочих мест в престижном мясном ряду* [Труд-7. 04.14.2004].

Время появления остальных восьми единиц – рубеж XX–XXI веков; все они отмечены в СМИ.

Авангардистка – в значении ‘представительница авангардного направления в искусстве’: *Если зайти с Запада на уровне 72-й стрит, то не миновать «Дакоуту». Там до сих пор живет, как ее именуют, «одна из самых знаменитых вдов планеты». Это, конечно, Йоко Оно. Художница-авангардистка и музыкант, второе «я» Джона Леннона* [РИА Новости. 13.12.2005]

Лексемы обозначают:

1. Принадлежность к социальной группе по уровню доходов, месту работы: *бюджетница* (‘небогатая, работающая в государственном учреждении’): *У подростков в ходу оказались «Гарри Поттер», приключения, фэнтези, домохозяйки и молодые бюджетницы предпочитают любовные романы, детективы Марининой, пенсионеры – исторические мемуары, садоводородные советы* [Труд-7. 09.04.2004]; *госслужащая* (используется в СМИ при описании и российских реалий, и жизни за рубежом): *– Не знаю, о чем в Москве думают! – возмутилась Елена Кривцова, госслужащая из города Волжский Волгоградской области, услышав от нас о возможных переменах* [Труд-7. 29.09.2006]; *«Я интересуюсь культурой и менталитетом жителей других стран, и в частности, поэтому я приезжала сюда в свободное время», – говорит Наоко, госслужащая 26 лет, родом из Нагойи* [РИА Новости. 04.10.2005].

2. Принадлежность к течению, направлению в искусстве, партиям, группам сторонников определенных политических взглядов: *анпиловка*: *Ярая анпиловка* (в тексте использовано переносное значение) [Труд-7. 01.04.2003]; *антикоммунистка*: *Антикоммунистка Меркель выросла в Восточной Европе и даже в школе выиграла конкурс сочинений о Ленине, за что была премирована поездкой в Москву* [КП. 03.15.2007]; *гуманистка* (представлена и в общем, и в газетном корпусе, в текстах художественной прозы и СМИ). Прямое значение: *не великие гуманистки, как Мать Тереза* [Шиманский А. Австралия глазами русского, или Почему верблюды там не плюются // Звезда. 2002]; *Ася – гуманистка, они только три года назад репатриировались из Франции* [Лимонов Э. Подросток Савенко (1982)]. Переносное ироническое употребление в значении ‘правозащитница по должности, на

деле нарушающая нормы гуманного отношения к человеку»: *До службы в Ираке она под крышей спецслужб работала помощником комиссара Совета государств Балтийского моря по демократическому развитию. Числилась там как сотрудница датского МИДа. Причем особый интерес аппарат комиссариата проявлял к России. Под руководством этой «гуманистки» разрабатывалась «Программа досудебного содержания под стражей». Видимо, потом в Ираке она опробовала ее на практике. Теперь у Хоммель появился шанс испытать программу уже на себе: за издевательство над иракскими пленными она предстанет на родине перед судом* [КП. 02.21.2005].

3. Принадлежность к социальной группе по внешним признакам – одежде, манере поведения: *гангстерша*. Лексема встречается как в художественном тексте в ряду однородных членов, также агентов женского рода, так и в публицистическом: *– Вам нравится поэзия акмеистов? – спросила Москвича высокая худая то ли профессорша, то ли гангстерша, то ли цыганка. Спросила, преподнося ему бокал мартини и чуть помешивая в бокале своим великолепным длинным пальцем, должно быть с целью растворить красивый, но, по всей вероятности, далеко не безвредный кристалл* [Аксенов В. Круглые сутки нон-стоп // Новый мир. 1976. № 8]. Пример из газетного корпуса иллюстрирует использование феминутива в современной разговорной речи: *Как и ее героиня Бонни, актриса раньше любила носить береты и юбки миди, подчеркивающие стройность фигуры. На улице прохожие часто говорили: «Смотрите, как эта девушка похожа на Фэй Данауэй!» Она чувствовала, что роль гангстерши лишила ее индивидуальности* [Труд-7. 07.12.2001].

4. Принадлежность к группе по характеру заболевания: *героиница* представлена только в газетном корпусе в тексте, посвященном лечению наркоманов: *на стеллажах стоят коробки с различными сборами трав, ягод. Здесь же их заваривают и «угощают» лечебными «коктейлями» больных пациенток. – У нас содержатся в основном героиницы, – продолжает Шигильчев. – Этот наркотик разрушает иммунитет* [Труд-7. 05.12.2003].

5. Принадлежность к группе по характеру сексуальной ориентации: лексема *гетеросексуалка* представлена как в общем корпусе (в тексте форума 2004 года наряду с разговорной лексикой), так и в газетном: *Для гетеросексуалки другая особь этого же пола – прежде всего соперница* [КП. 09.16.2005].

Деривация неологизмов, извлеченных из корпуса и представленных в словарях новых слов, осуществляется единообразно, по известным моделям; наибольшую продуктивность проявляет морфологический способ, а именно суффикса-

ция, в то время как субстантивация представлены единичными примерами. Наибольшее количество дериватов произведено с помощью суффикса -к/-истк/-овк-: *аквалангистка, фотожурналистка, ополченка; прогнозистка, тележурналистка, бамовка; биатлонистка, планшестистка, керамистка; керлингистка, галеристка, виртуалка*². Далее по убыванию деривационной активности следуют -чиц/-щиц/-льщиц: *автокарищица, асфальтировщица, каменщица; камвольщица, огранищица, ориентировщица; забойщица, женсоветчица, лимитчица; галерейщица; -ниц/-тельниц-: блокадница, водительница; байдарочница, долгожительница; взяткодательница, высотница; зоозащитница; -ш-: администраторша, барменша; модельерша; завша; байкерша, банкирша, капитанша.*

Тенденция к усилению аналитизма выражается в значительном повышении активности словосложения и появлении относительно большого числа сложных слов; если в первых словарях примеры сложных слов единичны, то в последнем их уже 19 (почти 20 %): *секс-бомба; пряжекрутильщица, пуховязальщица, рок-певица; первоцелинница, фотоманекеница; автор-ведущая, бизнес-вумен, вице-мисс, женщина-кандидат, женщина-предприниматель.* Неморфологическая деривация – это, во-первых, субстантивация: *невыездная* (НСЗ-97) и лексико-семантическое словообразование: *королева* – ‘о первой, лучшей, самой выдающейся в каком-либо отношении, в каком-либо роде деятельности женщине’, *одиночка* – ‘мать-одиночка’, *бабетта* – ‘о девушке с высокой прической с начесанными волосами’ (НСЗ-71); *кандидатша* – ‘кандидат наук’, *кукушка* – ‘женщина, оставившая младенца в роддоме’, *литераторша* – ‘учительница русского языка и литературы’, *несушка* – ‘женщина, занимающаяся несунством’, *художница* – ‘спортсменка, занимающаяся художественной гимнастикой’ (НСЗ-97); *барби* – ‘красивая девушка, женщина стандартной наружности, напоминающая куклу Барби’, *газель* – ‘о том, кто быстро передвигается’, *каркуша* – ‘тот, кто предсказывает неудачу, беду’ и т. п. Единичен случай использования аббревиации, с помощью которой образуются обычно либо неодушевленные имена, либо существительные мужского рода (*эмэнэс* – ‘младший научный сотрудник’); в НСЗ-97 *мапа* – это соединение первых слогов от *мама* и *папа*.

Феномен языковой игры имеет место при контаминации лексем *депутат* и *путана*, в результате чего появился зафиксированный в НСЗ-09 феминутив *депутана*, маркированный как разговорный и шутливо-иронический. Примечательно, что от этой лексемы женского рода образовался маскулинутив *депутан*. Оба коррелята эксплицируют весьма критическое отношение носителей языка к народным избранникам.

Аналогичный деривационный процесс позволил в XVIII веке от *блондинка, брюнетка* образовать соответственно *блондин* и *брюнет*, а в XX – *стриптизер* от *стриптизерка*.

Сравнивая динамику образования феминутивов последних десятилетий и предшествующих периодов развития литературного языка, следует отметить утрату продуктивности флективного способа (по другой терминологии – нулевой суффиксации) и снижение суффиксального способа: с помощью -ис-, при использовании которых происходило образование агентивов в XVIII веке (*виртуоза, амбассадриса*).

Наличие таких производных лексем, как *женсоветчица, феминистка* и т. п., не имеющих коррелятов мужского рода; семантически разнородных *отказник* (‘ребенок, от которого отказались родители’) и *отказница* (‘мать, отказавшаяся от своего ребенка’), подтверждает мысль о том, что реально деривация феминутивов происходит по сложившимся в языке моделям от слов разных частей речи; в качестве производящей может выступать субстантивная основа (Тунис – *туниска*), адъективная (*пескоструйщица* – ‘работница, выполняющая работы на *пескоструйном* аппарате’); глагольная (*обогащать: обогащательница* – ‘работница, занимающаяся *обогащением* полезных ископаемых’), а также аббревиатура (ПТУ – *петеушница*). В. В. Виноградов, рассматривавший особенности словообразования существительных на большом и разнообразном материале, писал о том, что существительные женского рода могут образовываться непосредственно от глагольных и именных основ с помощью производных суффиксов, как, например, слово *очаровательница*. В современной литературе можно встретить трактовку агентивов женского рода как «женских вариантов» лексем мужского рода или лексем, образованных чересступенчато [2; 131], слов с модификационным значением [12; 200–204]. Данная концепция не позволяет достаточно точно и корректно определить мотивацию и семантику дериватов, что отражается на утвердившейся практике весьма приблизительной характеристики феминутивов в толковых словарях. В качестве пояснения приведем пример подачи слова *синхронистка* в одном из последних изданий БТС. Лексема включена в словарную статью *синхронист*, а между тем дериваты мужского и женского рода семантически разнородны: *синхронист* – это либо ученый-лингвист, либо переводчик, следовательно, слово мотивировано прилагательным *синхронические* (исследования) и *синхронный* (перевод); *синхронистка* же – это спортсменка, занимающаяся *синхронным* плаванием, значит, в качестве мотивирующего производящего имеет не вышеназванные номинации ученого и переводчика, а однокоренное имя прилагательное. В связи с вышеизложен-

ным представляется перспективным подход И. А. Мельчука, видевшего кодирование агентивов мужского и женского рода от общих мотивирующих основ, прилагательных, глаголов и проч. [5].

Характеризуя феминутивы с точки зрения наличия / отсутствия стилистической маркированности, правомерно констатировать узкую связь большой доли анализируемых единиц с разговорным стилем. Так, особенности прагматики единиц на -ш(а), их недостаточная престижность является причиной появления на рубеже веков новых однокоренных дериватов *маникюристка* и *маникюрищица*, а также аналитических конструкций *мастер / оператор по маникюру* даже для нейтрального слова *маникюрша*.

Однако нельзя не учитывать большой пласт нейтральных лексем, который включает в себя этнонимы (*гвинейка, камбучийка, колумбийка*), а также спортивную (*воднолыжница, саночница*) и профессиональную лексику (*пескоструйщица, радиомонтажница*). Наличие экспрессивной окраски зачастую устанавливается исследователями по излишне краткому, лапидарному контексту, в рамках которого представляется сложным точно определить характер авторских интенций. Так, далеко не всегда суффикс -есс-привносит презрительно-ироническую окраску;

используемая Василием Аксеновым в юмористической повести «Золотая наша Железка» номинация *физикесса*, безусловно, разговорная, используется как знак неформального, фамильярного дискурса, однако иных коннотаций не содержит: *Иногда он... долго смотрел на читающую, вооруженную сильными линзами Наталью, тихо грустил, созерцая ее слегка уже отвисшую щеку, и ждал момента, когда она поднимет голову и сквозь ее маску сорокалетней усталой и уверенной в себе физикессы вдруг робко проглянет та девочка, лучшая девочка их поколения, поколения пятидесятых, что проилепало драной микропоркой на закат, по Невскому к Адмиралтейству, и испарилось в кипящей пронзительно-холодной листве*. Таким образом, корпус феминутивов включает в себя и стилистически маркированные, и нейтральные единицы, что в целом характеризует данный сегмент лексики.

Итак, теория агентивов женского рода представляет собой средоточие различных, в том числе спорных и отличающихся недостаточной аргументацией точек зрения; тем не менее не вызывает сомнения, что реализация лингвокреативного потенциала феминутивов, обладающих активными ресурсами словопроизводства, обеспечивает языку возможность отвечать современным вызовам общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Не привлекаются данные специального «Толкового словаря названий женщин» [3] как не содержащего иллюстраций, подтверждающих точность приведенных дефиниций, особенно включающих весьма далекие семы (*охламонка*, прост. – ‘глупая женщина’ и ‘бездельница’), а также имеющего в своем составе неактуальные с точки зрения литературного языка единицы: *некутаха*, диал. ‘неряшливая, неаккуратная женщина’.

² Приводятся лексемы последовательно из 4 вышеназванных словарей неологизмов, точкой с запятой отделяются примеры каждого словаря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90–147.
2. Ильасова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 296 с.
3. Колесников Н. П. Толковый словарь названий женщин: Более 7000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2002. 608 с.
4. Кронгауз М. А. Семантика: Учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 399 с.
5. Мельчук И. А. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними // Известия ОЛЯ АН СССР. 1968. Вып. 5.
6. Минеева З. И. Русские зоотропы // Личность в межкультурном пространстве: Материалы V междунар. науч.-практ. конф. РУДН. Ч. II. М.: РУДН, 2010. С. 60–66.
7. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.
8. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокина. М.: Сов. энциклопедия, 1971. 543 с.
9. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой. М.: Русский язык, 1984. 808 с.
10. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е. А. Левашова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 904 с.
11. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 816 с.
12. Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1982. 783 с.
13. Толковый словарь русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г. Н. Складневской. М.: Астрель: АСТ, 2001. 944 с.